

SŁOWIAŃSZCZYNA W PRZESTRZENI HISTORYCZNEJ I WSPÓŁCZEŚNIE

DOI 10.4467/25439561KSR.17.003.7873

АНДРЕЙ РОСТОШИНСКИЙ

Фонд им. А. Хованского

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ИСТОКОВ СЛАВЯНСТВА

COMPARATIVE STUDY OF INDO-EUROPEAN SOURCES OF THE SLAV CIVILIZATION

*Для цивилизации мудрость важнее силы.**А. Давидович*

Streszczenie

Artykuł dotyczy problemu indoeuropejskiego dziedzictwa geokultury Słowian. Historyczna spuścizna kultury Słowian, a także kultury europejskiej bierze swój początek z dwóch podstawowych źródeł: chrześcijańsko-semickiego i pogańskiego – indoeuropejskiego. Chrześcijańska tradycja strzeżona jest przez Kościół dwa tysiące lat. Indoeuropejskie korzenie badane są od niedawna. Rozważając problem wspólnoty słowiańskiej, należy zwrócić uwagę na ponadnarodowy charakter terminu „słowiaństwo”. Można sformułować tezę, że sekularyzacja pojęć, będąca rezultatem rozwoju świeckich języków literackich, a także konfrontacji duchowej i świeckiej tradycji, odcisnęła swoje piętno na terminie „Słowienie – Słowianie”, stworzyła podstawę pod sformułowanie „nowej mitologii”. Dla tworzenia mitów niezbędne jest, by niektóre rzeczowniki i sformułowania zagubiły swój pierwotny sens.

Abstract

This article takes a comparativistic approach to the manifestation of a common Indo-European heritage in the Slavic geo-culture, and the influences of this on the social structure of Slavic society and the religious dualism, or syncretism, characteristic to this community. In this social structure, the estate of the clergy is of special interest, and its use of the sacral liturgical Church-Slavonic language, commonly identified in popular literature with the Old Slavonic language as a pagan Old Bulgarian profane dialect. The article discusses the influence of Indo-European archetypes on the Slavic collective subconscious, and on the manifestation of these archetypes in public relations. Special attention is paid to different etymological aspects of the term “Slav”. The comparative-historical method allows for the recognition of the philosophical, linguistic and sociological aspects of the term, an especially, the idea of the term as a “socionym”, not only an ethnonym. In this context, the term “Slav” is regarded as a category of spiritual unity, more ethical than ethnic, based on the idea of the “second birth”.

Słowa kluczowe: komparatystryka, indoeuropeistyka, slawistyka.

Key words: comparativistics, Indo-European linguistics, Slavic studies.

Историческая преемственность славянской и, в целом, европейской культуры, помимо внешних влияний и приобретений, берет свое начало в двух основных источниках: христианском – семитском по происхождению, и языческом – индоевропейском по языку. Христианская традиция сохраняется церквями уже две тысячи лет, а вот индоевропейские истоки славянства относят к одному из откровений Новой истории, формат которого, по влиянию на европейское сознание, современники сравнивали с описанием Николаем Коперником гелиоцентрической системы. В России индоевропейская природа славянства стала предметом научного внимания с середины XIX в. Одним из самых активных популяризаторов исследований индоевропейского влияния на славянскую культуру можно назвать Алексея Хованского – редактора журнала «Филологические записки» и его специального приложения «Славянский вестник», ставшего «первым в русской литературе опытом – дать в специальном издании исключительное место изучению Славянской литературы, старины и народности»¹.

Сравнительно-историческое языкознание, которому эти издания были специально посвящены, позволило рассмотреть покрытые мраком неизвестности начала геокультурной общности, получившей на рубеже I и II тыс. н.э. название «славяне». Если исторические источники не могли осветить раннюю славянскую историю, то языковедение дало возможность вполне научным образом про-

¹ А.А. Хованский, «Славянский вестник», его значение, «Филологические записки» № (1), Воронеж 1866, с. 1.

никнуть в тайны индоевропейского самосознания, сформировать представление о его структуре, ставшей основанием для многих общих сюжетов в европейской культурной традиции и оказавшей влияние на христианство.

Компаративистика как метод научного познания обязана своим становлением сравнительному языковедению. Но, к сожалению, в советское время этой области знания был нанесен существенный урон, что в значительной мере коснулось и традиций, развиваемых в журнале А. Хованского; во времена разгула «теории Марра» многие специалисты были репрессированы. В связи с этим приходится констатировать наличие некой лакуны в советской и постсоветской гуманитарной науке и, особенно, на популярном уровне. Между тем, отсутствие ясных представлений об индоевропейской геокультурной общности служит почвой для разного рода националистических спекуляций и конфликтов в славянском мире. Такое восприятие текущих событий делает особенно актуальным адекватный научный взгляд на некоторые аспекты индоевропеистики и их влияние на славянское самосознание.

В этой статье будет рассмотрен ряд наиболее важных аспектов индоевропейского влияния на развитие славянской геокультуры. Первый аспект можно условно назвать метафизическим, поскольку он касается духовного основания этой общности – таинства Крещения как «второго рождения» – в Духе, а не в теле, в Церкви, а не в природе; рождения этического, а не этнического.

Идея «второго рождения» характерна не только для христианства, но и для других религиозных традиций. Например, у иранцев, исповедующих веру, «прекращающую распри», второе рождение совершалось вместе с посвящением в тексты Авесты, в обряде Сэдрэ пуши (*перс. букв.* «надевание рубахи»)² или Нав-джот (*букв.* «ново-рождение»). У индусов человек становился «дваждырожденным» в таинстве Упанаяны, в ходе которого юноши одной из трёх высших варн (брахманов, кшатриев или вайшьев) получали новое имя и формально приобщались изучению священных текстов Вед, тогда как непосвященные переходили в презренную социальную группу той же народности³.

Христианская традиция «второго рождения» в таинстве Крещения восходит к завету Авраама, в иудейской истории схожую символическую инициацию можно увидеть в образах Исава и Иакова, получивших имена Едом и Израиль (Быт. 25:27–34). Для христианского таинства также характерно обретение но-

² В этом отношении за один из красноречивых символов сравнения этической и этнической идентификации можно принять сюжет знаменитой пекторали из скифского кургана Толстая могила с изображением ритуала Сэдрэ Пуши, где подчеркнуты очевидные различия лиц у держащих рубаху людей.

³ И.С. Кон, А.М. Решетов, *Этнография детства: традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии*, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва 1988, с. 170–188.

вого, «церковного» имени для церковной жизни, иногда с сохранением второго, «мирского» – для жизни в миру⁴. Таинство Крещения означает обретение нового качества отношений в соборной реальности, актуализирующейся в контексте Священного Писания, в общности, где животворит Господь.

Сравнительный анализ духовных традиций выявляет социальный, а не национальный характер некоторых этимологических аспектов термина «славяне», принимаемого, по сложившемуся в литературе обычаю, за этноним. Такой взгляд на природу Таинства предполагает наличие духовной, а не кровной основы для социализации, что позволяет интерпретировать термин «славяне», скорее, как соционим, нежели как этноним.

В целом, в понимании термина «славяне» есть некоторые трудно разрешимые противоречия, в их числе отсутствие синхронии между означаемым и означающим. В профильной литературе существование «славянской общности» теоретически проецируется на века раньше, чем обнаружилось её название, тогда как появление самоназвания предполагает наличие самосознания, т.е. осознания себя «нацией», ведь только «чувствуя себя народом, [народ] дает себе имя»⁵. Между тем, в древние времена понятия наций в современном значении не существовало. В первой половине I тыс. н. э. среди соответствующих индоевропейских языков самоназвание «славяне» не встречается; и если этнонимы «венеты» и «анты», известные из трудов хронистов, не вызывают больших споров, то с этнонимом «Σκλαβηνοί» ясности нет, а тождество между «Словѣне» и «Sclaveni» неочевидно. Отсутствие общего мнения об этимологии термина «славяне» позволяет рассуждать о некоем синкретическом содержании структуры понятия, когда одному означаемому приписываются разные смыслы: «рабы» от «склавины», «свои» в противопоставление «чужим», «владеющие словом» в отличие от «немых» немцев и т.п.

Необходимо заметить, что в славянской историографии, а особенно в популярной околонушной литературе наблюдается желание реконструировать в известном геокультурно-временном континууме некое значимое межплеменное объединение, о котором не имеется внятных исторических свидетельств⁶.

Что касается исторических источников, представляющих научную ценность, то достоверно известным термин «Словѣне» стал только в IX веке; впер-

⁴ А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский, *Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва 2006, 904 с.

⁵ П.А. Гильдебрандт, *Мысли о народной психологии (Извлечение из «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft»)*, «Филологические записки» Нр (1), Воронеж 1864, с. 83–102.

⁶ Ср. Известный исследователь славянства Любор Нидерле считал неправильным судить об этногенезе славян, ведь достоверно о древнейших славянах известно мало: «Славяне проявляются на исторической арене неожиданно как великий и уже сложившийся этнос». См. Л. Нидерле, *Славянские древности*, Москва 2000, с. 6.

вые он упоминается в *Прогласе*, предположительно написанном Константином Философом: «слышите оубо, народы словѣнсти, слышите Слово, от Б-га бо приде»⁷.

Появление термина «словѣне» в христианском тексте синхронично новому основанию для социализации. В таком контексте понятие относится к церковному объединению, ко второму, духовному, эклесиальному, католическому рождению, к новообразованию, о котором, исходя из фразы Черноризца Храбра «словѣне ... погани сѣще», можно сделать следующий вывод: те, кто были «погаными», стали «славянами».

Очевидно, обращение «поганых» в «славян» было связано не столько с возникновением письменности как таковой, сколько с обретением специальной литургической лингвосистемы, а также с формированием новой социальной группы, владеющей секретами Вещего Слова⁸, «Словѣньскъ љзыкъ» как знамение преемственности византийской традиции послужил основанием духовной, наднациональной социализации, в результате которой среди язычников появилось новое сословие священнослужителей⁹.

Христианское духовенство обрело статус привилегированного сословия, обладающего преимуществом в освоении книжной грамоты, для которого Слово стало орудием духовного труда, направленного на созидание Церкви, Тела Христа, как особенной этической, а не этнической общности: «где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3:11).

Владение церковнославянским языком, принятие этики основанной на текстах Св. Писания стало отличительным признаком нового сословия, занятого сохранением и передачей книжной традиции. Ведь, по большому счету, гуманитарная европейская наука основывается на преемственности классической и христианской философии, а что касается учения о Духе, в этом очевиден приоритет святых отцов даже спустя тысячелетия, то есть приоритет традиций над инновациями, апостолов над епископами.

Можно сказать, что основанием для социального новообразования стала монотеистическая религия, ведь вместе с христианским учением в известном геокультурном пространстве распространилась Александрийская философская и грамматическая традиция, соединившая в себе достижения классической

⁷ В.Н. Топоров, *Слово и Премудрость [в] Святость и святые в русской духовной культуре*, Москва 1995, с. 8–9.

⁸ Н.И.Кареев, *Вещее слово [в:] Мифологические этюды*, «Филологические записки» Нр (3), Воронеж 1873, с. 38–42.

⁹ В этом плане следует заметить, что отсутствие устойчивого межплеменного языческого объединения как раз и было обусловлено отсутствием консолидированных властных элит, священного сословия, а вместе с ним и учёной традиции.

философии с иудейским монотеизмом¹⁰. Так среди племен, условно связанных общим происхождением с одним из индоевропейских диалектов, стало складываться новорожденное славянское католическое единство, пока его не разделила сама церковь и, в какой-то степени, исламский прозелитизм.

Следует заметить, что в понимании термина «церковнославянский» наблюдаются разночтения схожего характера: этот язык традиционно называют «старославянским» и отождествляют с «древнеболгарским», упуская при этом из виду их принципиальные функциональные, лексические, грамматические и стилистические различия¹¹. В том, что социальный термин обрел национальный характер, «виноваты» лингвисты, которые, не вдаваясь на публике в подробности при характеристике лингвосистем, упускают из внимания некоторые аспекты термина, понятные только специалистам, но не любителям. По словам одного из самых авторитетных российских языковедов, академика А.А. Зализняка, «Церковнославянский, в сущности, это древнеболгарский»;¹² с чем сложно согласиться, ведь «церковнославянский» отличается от «древнеболгарского» по целому ряду аспектов: во-первых, по происхождению – один синтетический, другой – естественный; во-вторых, функционально – один литургический, другой – разговорный; в-третьих, по лексическому составу, и, наконец, по философскому содержанию грамматической концепции¹³. Общее у «древнеболгарского» с «церковнославянским» – только фонетика и часть лексики, причем зачастую с разными смысловыми регистрами, да и сами названия «церковный» и «болгарский» выражают социальное и национальное. Профессиональные лингвисты эти различия понимают и вполне осознают необходимость социолингвистического подхода к изучению языков¹⁴, однако, при популяризации своих знаний вносят недоразумения в массы подобной терминологией.

В философской системе языков, определяющей каждому из них своё законное место¹⁵, синтетический по происхождению церковнославянский язык носит сословный, литургический характер и тем самым отличается от естественного «древнеболгарского» или «старо- или древнеславянского»¹⁶. «Словѣньскъ

¹⁰ Б.А. Успенский, В.М. Живов, *Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI–XVIII веков* [в:] *Избранные труды*, Москва 1995, Т. 3, с. 363–389.

¹¹ Н.С. Трубецкой, *Общеславянский элемент в русской культуре*, Москва 1995, с. 207.

¹² А.А. Зализняк, *Об истории русского языка*, <http://elementy.ru/lib/431649>, дост. 19.01.2016.

¹³ А.И. Ростошинский, *Grammatica sub specie philosophia: вечность в философии и грамматике*, <http://ru.calameo.com/books/0035239888cd1a1192736>, Дост. 31.01.2016.

¹⁴ С. Б. Бернштейн, *К вопросу о диалектной основе польского литературного языка*, Москва 1941, (1). с. 99–105.

¹⁵ И.М. Желтов, *Система языкознания по Гейзе (ученик школ Гегеля и Боппа)*, «Фил. записки» Нр (2), Воронеж 1864, с. 123–187.

¹⁶ Р. Пиккио, *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*, Москва 2003, с. 720.

языкъ» в силу своей сакральной природы не мог быть тождественным языческому разговорному наречию, потому что изначально создавался как орудие духовной культуры, для богослужбных церковных нужд, для католического общения, для разработки философской и религиозной мысли. Это был язык «священный», т.е. «функционально-отличный от народного разговорного языка, как всякий литературный язык»¹⁷, тогда как существование дохристианского «литературного древнеболгарского» крайне сомнительно.

Установившаяся в историографии традиция представляет славян как племена, впервые обретшие письменность. Однако такая интерпретация исторического процесса упускает из виду один весьма существенный социологический аспект: начала письменности обретают не народы, в современном демократическом понимании, а достаточно узкие социальные группы, ведь искусство владения словом испокон веков было привилегией жреческих сословий – элит особенного рода, которые обладают властью не через «силу», а благодаря «знанию»,¹⁸ как теперь говорят – «мягкой силой».

При сравнительном подходе к индоевропейской языковой семье обнаруживаются различные очаги философских и религиозных учений и таинств, объединения людей, обладающих специфическими знаниями об искусстве владения Словом: индийский, иранский, греческий и др.¹⁹

Ещё один важный аспект проявления индоевропейского влияния в славянской, христианской истории также касается социальной структуры, которая

¹⁷ Н.И. Толстой, *История и структура славянских литературных языков*, Москва 1988, с. 4.

¹⁸ Ср. Э. Ренан, *О происхождении языка*, «Филологические записки» Нр (1), Воронеж 1866, с. 120: «Чем более углубляешься в изучение древнейшего состояния народов Арийских и Семитических, тем яснее выделяются сквозь кажущееся однообразие первобытного мира лица безыменных мудрецов, инициаторов, вещунов, во вдохновении которых принимают начало законы, нравы, учреждения жизни гражданской и религиозной. Изследывая, увидишь древняго мудреца, истолкователя гения своей расы, – отроешь влияние известных корпораций, известных привилегированных семейств, – найдешь школу, восходящую почти до начала мира. То, что представляется делом всеобщим, в действительности, составляло дело небольшого числа, в которых сосредоточились умы всех. Известно, что организация языка не понимается без содействия числа избранных, которые пользовались авторитетом вокруг себя и готовы были вменить в непреложное другим то, что почиталось ими, на основании личных своих соображений, за лучшее. Аристократизм мудрецов был законом в первобытный период жизни человечества; закваска позднейшей цивилизации могла стать в почти неприметном кружке предопределенных голов<...> Эти патриархи положили основания нашей будущности. Их понятия, их слова, должны были сделаться законом для мира нравственного и для мира интеллектуального. Они создали бессмертные слова, которые, после значительных изменений в оттенках, должны были превратиться в честь, добро, нравственность, долг».

¹⁹ Об ограниченном формате таких социумов косвенно свидетельствует ограниченное количество интеллигентных семей и в наше время, а также тот факт, что с течением веков процент людей, владеющих литургическим церковным языком, так и не превысил пары единиц.

обнаруживается в ретроспективном обзоре индоевропейского самосознания²⁰. Сравнительный анализ религий Индии и христианства был предметом исследований Н.С. Трубецкого, представителя родственной Ягеллонам российской ветви Гедиминовичей. Впоследствии Жорж Дюмезиль и Мирча Элиаде обозначили контуры структуры коллективного бессознательного, место и роль социальных групп, очертания геокультурных образов²¹. Проекция индоевропейистики на славяноведение позволила выявить ведические архетипы, репрезентирующие социальную структуру арийского общества, обнаружить некоторые детали современного славянского синкретизма.

В этом отношении особенный интерес для нас представляют силуэты двух геокультурных образов – древнейших индоевропейских архетипов, имеющих своих референтов в ведической литературе в статусе двух Вседержителей: один – *rex bellatores*, покровитель военных успехов, податель богатых трофеев – Индра; другой – *rex oratores* покровитель жрецов и судей, податель премудрости и справедливости – Варуна. В Ведический период Варуна отличается от Индры тем, что он «царь, но не царь, воцарившийся по своей воле (сварадж, как Индра), а самрадж – царь универсальный, т. е. власть принадлежит ему по праву в силу его природы, и эта власть дает ему возможность действовать через «власть мысли», через «знание»²². О взаимодействии и конкуренции двух элит известно с самых начал формирования общественных отношений. В Пуранический период символическое преимущество получил воинский архетип, тогда как Варуна утратил статус Вседержителя; конкуренцию выиграл воинский кумир – змеборец Индра, который, согласно гимнам Ригведы, мог принимать любое обличие и долго скрывался где-то на краю земли из-за убийства жреца (РВ I,32).

В свою очередь, европейские хронисты свидетельствуют о распространенности героических воинских культов среди языческих племен славянской геокультурной зоны²³. В целом, почитание воинских божеств можно считать общей характеристической чертой культов языческих, а в начале II тыс. н.э. героический змеборческий мотив проник и в христианскую агиографию: сначала в «Золотые легенды» Якоба Ворагинского и вместе с тем в иконографию, позднее в право-

²⁰ О таком же разделении общества на три сословия рассуждает Платон в диалоге «Государство». По Платону, задача «сословия кормильцев» – обеспечить снабжение государства необходимым, забота о внутренней и внешней безопасности государства лежит на сословии воинов или стражей («сословие воинов»), а во главе государства должны стоять философы («сословие воспитателей»).

²¹ М. Элиаде, *Трехсоставная индоевропейская идеология* [в:] *История веры и религиозных идей*, Москва 2002, Т. 1, с. 178–182.

²² Н.С. Трубецкой, *Религии Индии и христианство*, Москва 2000, с. 66.

²³ Л. Леже, *Славянская мифология* / пер. А.В. Пасенко, «Филологические записки» № (2), Воронеж 1907, с. 1–65.

славные Четъи-Минеи и, особенно, в новгородскую иконописную школу²⁴. Архетип воина проявился в образах свв. Дмитрия Солунского, Федора Тирона, Федора Стратилата, но более всего в образе св. Георгия (это касается многих христианских народов: и славянских, и романских, и германских). С особенным трепетом «Змиева драма» была воспринята христианским воинством и рыцарством.

Появлению змеборца в христианской традиции посвящены многочисленные исследования; по мнению их авторов, обретение индоевропейскими архетипами образов языческих божеств и христианских святых стало одним из оснований двоеверия, или религиозного синкретизма²⁵. Начиная со старейших обозримых источников по истории и заканчивая новейшими исследованиями мифологии, можно проследить, как индоевропейский герой-змеборец, внедрившийся в образе христианских святых в западную и восточную агиографию, обрел в процессе секуляризации общества, а вместе с тем литературы и языка, статус светского героя – главного актора символической политики. В России, например, змеборец появился, сначала на княжеских печатях, потом в качестве государственной печати на Судебнике 1497 года, узаконившем крепостническую власть над соотечественниками, и стал, по существу, знаком сословия государевых слуг, дружины или, говоря современным языком, силовиков. С 1993 года архетип вернулся в государственную символику, в герб светского демократического государства, в качестве как-бы христианского образа – вдохновителя на ратные подвиги; так что, наблюдая в последние годы бурный рост воинственных героических настроений, можно подозревать влияние одного из мощнейших архетипов, действующих в индоевропейском коллективном бессознательном.

При сравнении этого процесса с ведической историей обнаруживаются устойчивое почитание в индоевропейской геокультурной традиции архетипа героя, действующего под разными именами, а также истоки его влияния как на славянское, так и в целом на европейское самосознание. При внимательном изучении этого явления можно проследить, как косвенное воздействие упомянутых выше геокультурных образов определяет структуру славянского общества, формирует властные элиты, сказывается на упадке гуманитарных наук и на росте в обществе агрессивных настроений²⁶.

²⁴ Н.А. Соболева, *Очерки по истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета*, Москва 2006, 488 с.

²⁵ Д.О. Шеппинг, *Св. Егорий Храбрый [в:] Этюды народных сказаний, «Фил. записки», Воронеж 1884, (2), с. 71–82.*

²⁶ В.Р. Легойда, *В РПЦ обеспокоены распространением неоязычества среди молодежи и сотрудников спецподразделений*, <http://www.newsru.com/religy/27jan2016/neuhaidentum.html>, Дост. 28.01.2016

Выводы:

Проекция индоевропеистики на славяноведение дает возможность увидеть некоторые специфические черты феномена славянства в общей семье народов, позволяет осознать философские, лингвистические и социологические аспекты самого термина, высвечивает его синкретическую структуру.

Философский взгляд на славянское геокультурное пространство распознает метафизическую природу таинства Крещения как акта «второго рождения», рождения не во плоти, а в Духе, в Слове, в молитве; а также обнаруживает особенное положение церковнославянского языка, не как национального и разговорного, а как сословного и литургического, «надэтнического и наднационального», имеющего свою семантическую систему «вышних сакральных смыслов», в отличие от «низших профанных».

Сравнительный подход к истории славянства открывает для нас понимание этического, а не только этнического характера термина «славяне», синхронически сопоставимого с началом формирования нового соборного единства среди языческих племен, с появлением новой социальной группы, обладающей языком сакрального качества – лингвосистемой с особенной структурой и функцией. Отсутствие явного этнонима «славяне» в сочинениях хронистов и его появление впервые в церковной литературе позволяют соотносить его содержание с идеей «второго рождения», как духовного, наднационального основания для социализации, что особенно важно в условиях распространения националистических поветрий в славянской среде.

В анализе этимологического содержания термина «славяне» обнаруживаются схожие социологические аспекты с другим индоевропейским термином «арии», который, вероятно, имеет общие этимологические корни и в семитской, и в индоевропейской традициях: пра-и.е. *ar-ǵ-o- «знатный», «свободный» (ср. др.-евр. *horim* «знатные»)²⁷.

Несмотря на то, что понимание термина как этнонима прочно укоренилось в профильной литературе, все же, рассуждая об основах славянской общности, необходимо обращать внимание и на другой аспект: на социальный, наднациональный характер термина «славянская национальность», относящийся одновременно к разным индоевропейским национальностям²⁸. Можно предположить,

²⁷ В.М. Иллич-Свитыч, *Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты* [в:] *Проблемы индо-европейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков*, Москва 1964, с. 7; Ср. Н.Н. Бодров, *Доисторическое единство симовских и арийских языков и народов*, «Филологические записки» № 4–5, Воронеж 1884, с. 47–69.

²⁸ Ср. Если расхожий в быту квази-этноним «кавказская национальность» можно считать геокультурным (по отношению к известной местности), то «славянская национальность» имеет скорее абстрактные этимологические истоки, связанные с определенным сословием, а не с определенной местностью, скорее агиографические, чем географические.

что секуляризация понятий, происходившая в истории развития светских литературных языков на фоне противостояния духовной и светской традиций, когда все аспекты этих процессов воспринимаются как единое развитие – опрофанное святины, коснулось и термина «словѣне-славяне»²⁹. По существу, секуляризация смыслов дала основание для формирования «новой мифологии», ведь для появления мифов необходимо, «чтобы некоторые имена существительные или целые выражения потеряли свой коренной, или первоначальный смысл»³⁰.

Наблюдая процесс обретения названием социальной группы «арии» национального содержания «арийцы», можно по аналогии предположить и переход названия социальной группы «Словѣн» как людей, владеющих Словом, на общее название теоретически реконструируемого племенного союза, неизвестно когда возникшего и на каких основаниях объединившегося, ведь «самого культурного единства никогда не существовало»³¹. М.П. Погодин в своем воззвании связывал «духовное рождение славян» с «возвещением нам слова Божия» и противопоставлял его рождению гражданскому, обязанному своим появлением «острию меча»³². Имеющиеся научные источники свидетельствуют о синхронизме в появлении термина «словѣне» и сакрального перерождения представителей различных генетически родственных племен из язычников в объединяющую их по духу Церковь: «Некогда не народ, а ныне народ Божий» (1 Пет. 2:10). Такое понимание позволяет сделать вывод, что славянство как феномен европейской культуры своим появлением во многом обязано христианству, что впрочем касается и европейской культуры в целом.

В сугубо историческом анализе развития литературного светского языка сложнее обнаружить скрывающиеся за общей для разных регистров формой сопутствующие ей смыслы языкового знака «славяне»: сакральный или профанный. Так же как и по внешнему виду человека сложно сказать: крещен он или нет.

В дополнение к историческому взгляду на развитие литературного языка, сравнительный обзор отрывает сакральный, высший смысл широко известного термина: славяне – это «лица христианской национальности», и, если оперировать геокультурными понятиями, «сердцем славянского воздуха» является Христос.

²⁹ В.М. Живов, *Секуляризация славянизмов и противостояние светской и духовной традиции* [в:] *Язык и культура в России XVIII века*, Москва 1996, с. 497–510.

³⁰ В.В. Плотников, *Заметки о сравнительной мифологии Макса Мюллера*, «Филологические записки» Нр (2), Воронеж 1879, с. 1–27.

³¹ Л. Нидерле, *Прародина славян* [в:] *Славянские древности*, Пер. с чешск. Т. Ковалевой, М. Хазанова, отв. ред. О. Платонов, Москва 2015, с. 601.

³² М.П. Погодин, *Окружное послание к славянам, 1862 года, марта 25 в день Благовещения* [в:] *Вечное начало. Русский дух*, Москва 2011, с. 489–494.

Библиография

- Хованский, А., «Славянский вестник», его значение, «Филологические записки» Nr (1), Воронеж 1866.
- Трубецкой, Н., *Общеславянский элемент в русской культуре*, Москва 1995.
- Трубецкой, Н., *Религии Индии и христианство*, Москва 2000.
- Успенский, Б., Живов, В., *Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI–XVIII веков [в:] Избранные труды*, Москва 1995, Т. 3.
- Живов, В., *Секуляризация славянизмов и противостояние светской и духовной традиции [в:] Язык и культура в России XVIII века*, Москва 1996.
- Пиккио, Р., *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*, Москва 2003.